

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ ЛИТВЫ И ИХ ГОВОРЫ

В. НЕМЧЕНКО

На территории Литовской ССР с давних времен проживает некоторое количество русского населения. Русские старожилы республики, предки которых поселились на территории этнической Литвы в разные исторические периоды, при разных обстоятельствах, к настоящему времени расселились по всей литовской территории. Живя долгие годы в литовском окружении, русские старожилы не утратили своей национальной самобытности, что выражается, прежде всего, в сохранении родного языка.

Изучение народных говоров русского старожильского населения Литвы, равно как и других островковых говоров русского языка, имеет определенное значение как для изучения диалектологии и истории русского языка, так и для решения отдельных вопросов общего языкознания. Изучение говоров русских старожилов Литвы должно вестись с учетом истории данного населения. Для полного охвата изучением русских говоров на всей территории республики и для успешного проведения этой работы необходимо располагать данными о географическом расположении сельских поселений, где живут русские старожилы, об их языковом окружении и т. д.

В настоящей статье дается краткое описание истории поселения русских на территории Литвы, описывается географическое расположение русских сельских поселений республики в настоящее время, указываются некоторые диалектные особенности народных говоров русского старожильского населения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПОСЕЛЕНИЯ РУССКИХ В ЛИТВЕ

История поселения русских на территории этнической Литвы уходит в глубокое прошлое. Возможность появления первых русских поселенцев на исконно литовской территории возникла с установлением экономических, политических и культурных связей между литовскими племенами и восточными славянами, а такие связи установились очень давно,

они существовали уже при первобытно-общинном строе. Уже в IX—X вв. литовцы вели широкую торговлю с Псковскими, Новгородскими землями, Тверью и другими русскими городами¹.

Переселение русских в Литву в разные исторические периоды могло быть вызвано как экономическими, так политическими и иными причинами. Одной из причин бегства русских в Литву и в другие зарубежные страны явилось преследование людей с религиозными сомнениями, так называемых «еретиков». Период оживленной борьбы с «еретиками» начинается в истории русской церкви с пятидесятых годов XIV века, когда «религиозные сомнения русских верующих, уже возникавшие и раньше, начинают отливаться в более определенные внешние формы, объединяются и развиваются»².

В русских летописях засвидетельствован факт бегства русских из Новгорода в Литву от религиозных преследований в конце XV столетия: «...Генадей архиепископ, лета 6999³, еретиков изыска и обличи в Великом Новгороде: повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению пресвященнаго митрополита Зосимы, Генадей владыка одних велел жечи на Духовском поле, иных торговые казни предали, а иных в заточение посла, а иные в Литву сбежали, а иные в Немцы»⁴.

Надо полагать, что переселение русских в Литву не прекращалось и после XV в.⁵ В одном из печатных изданий прошлого века находим высказывание о бегстве русских за границу по политическим причинам в XVII в., во времена Лжедмитриев (1605—1610 гг.): «Когда Россия смущаема была с одной стороны внешних неприятелей нападениями, а с другой терзаема внутренними несогласиями, бывшими наипаче во времена Лжедмитриев, тогда многие, оставя природныя свои места, спасались бегством, и скрывались там и инде, где только могли»⁶.

Русские с давних времен могли переселяться в Литву и по экономическим соображениям. В «Очерке возникновения русских поселений на Литве», опубликованном в качестве предисловия к IV книге «Виленского временника», посвященной описанию русских поселений бывшей Ковенской губернии, говорится, что русские люди с «непомных» времен

¹ См. Lietuvos TSR istorija, I, Vilnius, 1957, p. 56.

² В. Алов, Русские «еретики» XIV—XVI веков, С.-Петербург, стр. 5.

³ По нашему летоисчислению — в 1490 году.

⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией, том третий, IV, Новгородская летопись, Санктпетербург, 1841, стр. 143—144.

⁵ В историческом романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1862) находим высказывание о бегстве русских в Литву во времена царствования Ивана Грозного (1547—1584 гг.): «Сотни и тысячи русских, потеряв всякое терпение и надежду на лучшие времена, уходили толпами в Литву и Польшу» (см. главу «Посольства Ермака»).

⁶ Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, издание четвертое, Санктпетербург, 1831, стр. 57.

ходили на Литву и «ради заработков, преимущественно по разделке и сплаву по Неману леса»⁷.

В настоящее время мы не располагаем какими-либо сведениями о русских поселенцах этого раннего периода. Очевидно, это были немногочисленные группы людей, которые впоследствии могли смешаться либо с местным, литовским населением, либо с поселившимися в Литве в последующие периоды русскими. Наличие русских в Литве в этот период подтверждается фактом существования православных церковных учреждений.

В городе Вильнюсе до настоящего времени сохранилось несколько православных церквей, основанных в 14 столетии, во времена князя Альгирдаса (например, Пятницкая церковь, сооруженная в 1345 году, Успенский собор, построенный в 1346 году).

Бывший член-секретарь Ковенского губернского статистического комитета К. Гуковский утверждает, что в конце XVI столетия православная церковь была в Ковне (Каунасе). «По крайней мере достоверно, — говорит К. Гуковский, — что в 1620 году король Сигизмунд III, известный фанатик, велел закрыть православную церковь»⁸.

В цитированном нами «Очерке возникновения русских поселений на Литве» указывается, что до конца XVI века в качестве передовых постов русской народности в Ковенской губернии были известны Ковенская церковь, закрытая по приказанию короля Сигизмунда III, Сурдеский монастырь — «несокрушимый оплот православия XVIII века» — и некоторые зачатки русских островков в Браславском старостве, которые возникли в бывшем уделе великого княжества Полоцкого⁹.

Большинство русских старожилов Литовской ССР составляют потомки переселенцев более позднего периода, бежавших в Литву в связи с преследованиями старообрядцев (раскольников) после проведения в России церковной реформы в 1667 году.

Русские люди старшего поколения, проживающие в разных районах республики, принадлежащие или принадлежавшие к старообрядческой религиозной общине, придерживаются того мнения, что их предки переселились в Литву в то время, когда «вводилось православие», когда «было гонение Никона патриарха», что «тутка нахожий народ, от старых лет, как царь стал на православие вернуть» и т. п.

Такое мнение высказывается и в статье О. А. Ганцкой «Некоторые материалы по этнографии старожильского русского населения Литовской ССР». Говоря о русских старожилах северо-восточной части Литвы, автор статьи пишет: «В своем большинстве русские северо-восточных районов Литвы, как и всей территории б. Ковенской губ., — потомки ста-

⁷ Виленский временник, книга IV, издание Виленского Генерал-Губернаторского Управления, Вильна, 1909, стр. III.

⁸ Краткий исторический очерк Ковенской губернии, Ковно, 1889, стр. 29. Автор ссылается на рукопись С. Полевского, цитируемую у Афанасьева, «Ковенская губерния», стр. 705.

⁹ См. Виленский временник, книга IV, стр. I.

рообрядцев, бежавших во второй половине XVII — начале XVIII в. после церковной реформы из России в Польшу»¹⁰.

Факт бегства русских от преследований церковных и государственных властей за границу, в частности, в объединенное польско-литовское государство (Речь Посполиту), находит подтверждение в многочисленных печатных изданиях, опубликованных в XIX — начале XX вв. Например, в упоминавшемся «Очерке возникновения русских поселений на Литве» говорится, что «следуя велениям совести, русские люди старой веры искали свободного житья на окраинах и за рубежом государства»¹¹.

«Желая избежать преследования со стороны правительства, — говорит бывший преподаватель Олонецкой духовной семинарии К. Плотников, — одни из раскольников обратились в бегство. Бежали на пустынные окраины отечества — в Поморье, Дон, Стародубье и особенно в Сибирь — и за границу: в Польшу, Швецию, Крым, на Кавказ и даже в Азию, Турцию, Молдавию, Валахию, Австрию и Пруссию»¹².

Федосеевская секта (одна из многочисленных сект раскольников) «ныне сильнее и более всех других толков во отечестве нашем расплодилось, — констатирует автор одного из изданий первой половины XIX века. — Москва, Петербург, Новгород, Псков, Рига, Польша и вся почти Сибирь сими еретиками наполнена; а сколько еще за границею, в Турции, по берегам Дуная, в Пруссии, и в Австрии, и в прочих местах, во множестве ушед из отечества населились?»¹³

Надо полагать, что массовое переселение раскольников в Литву началось с конца XVII в. или даже с начала XVIII в., т. е. с момента распространения в Литве федосеевской секты. В «Очерке возникновения русских поселений на Литве» говорится, что «основатель Федосеевского толка, дьячок Крестецкого яма Федосий Васильев, разойдясь с северными поморцами, основался в пограничном с Литвой Невельском уезде, Витебской губернии; около него в начале XVIII века сгруппировались последователи его вероучения, и, можно полагать, что уже с этой поры старообрядцы стали постепенно проникать и оседать не только в Витебской, но и в пограничной с ней земле Ливонской и Литве»¹⁴.

О переселении в польско-литовское государство последователей учения Феодосия Васильева в указанное время говорится и в «Житии Феодосия Васильева, основателя Феодосиевского согласия, написанном сыном его, Евстратом, в 7250-м году», где, в отличие от упомянутого «Очерка», утверждается, что Феодосий «поим матерь свою и сына, в

¹⁰ Труды института этнографии Академии наук Союза ССР, том XXIII (Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952 года), Издательство Академии наук СССР, 1954, стр. 78.

¹¹ Виленский временник, книга IV, стр. III.

¹² К. Плотников, История русского раскола, известного под именем старообрядчества, С.-Петербург, 1894, стр. 83.

¹³ Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласях, издание четвертое, Санктпетербург, 1831, стр. 111.

¹⁴ Виленский временник, книга IV, стр. III.

Польскую Державу отъеха в лето 7207» (т. е. в 1699 году)¹⁵. Далее в «Житии» говорится: «Услышано же бысть в России по странам дивнаго учителя Феодосия отшествие тамо, множество Христиан от градов, весей и сел, любовию распалиеми, потекоша во след его, желающе Древнецерковное святое Православие нематежно соблюдатьи и под руководством его пребывати. Он же состави тамо две обители: мужескую и женскую»¹⁶.

Наряду с переселенцами, бежавшими от преследований церкви, в данный период некоторая часть русских могла переселиться в Литву также и по экономическим причинам, в поисках заработков. Автор «Очерка возникновения русских поселений на Литве» утверждает, что «кроме религиозного уединения русские люди искали и вольного труда, а владельцы огромных пущ и необработанных имений в их лице приобретали дешевую и надежную рабочую силу»¹⁷. Автор «Очерка» ссылается на историка Витебской губернии Волкова, указывающего, что «заселение порожних, лесистых имений частных владельцев и монастырей, которые ранее не приносили им никакой пользы, были находкою для хозяев и поселенцев. Аренда была ничтожною и только с половины XVIII века стала оформливаться контрактами, писанными в простой, не стеснительной для сторон форме»¹⁸.

К концу XVIII в., т. е. до присоединения литовских земель к России в 1795 году, в Литве было уже много русских поселенцев. К старейшим центрам старообрядцев автор «Очерка возникновения русских поселений на Литве» относит Рымки Ковенского уезда (ныне Римкай, Йонавский район¹⁹), Дегуцы Новоалександровского уезда (Дягучай, Зарасайский район), Пущель Вилкомирского уезда (Гиряле, Коварский район)²⁰.

В очерке А. Вескинского «Раскол в западно-русском крае» указывается, что некоторые из молелен (т. е. старообрядческих церквей), существовавших в XIX веке, устроены еще в XVIII столетии²¹.

Немало русских поселилось в Литве после присоединения Литвы (т. е. бывшей Ковенской губернии и части Виленской губернии с городом Вильною) к России в 1795 году в результате последнего раздела польско-литовского государства.

---

¹⁵ Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, Повременное издание под заведыванием О. М. Бодянского, Книга вторая, Москва, 1869, Апрель—Июнь, стр. 78.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Виленский временник, книга IV, стр. III.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Районы указываются по административному делению, существовавшему в середине 1962 года.

²⁰ См. там же; в «Очерке» делаются ссылки на соответствующие документы, определенно свидетельствующие о существовании в Литве перечисленных деревень в указанное время.

²¹ См. Вестник Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Том III, год третий, май, Вильна, 1865, стр. 291.

Организованное переселение русских в Литву началось после польско-литовского восстания 1831 года, когда по инициативе Министра государственных имуществ был намечен план правительственной колонизации Литвы. Однако даже царские чиновники признают, что задуманная широкая государственная программа колонизации не была претворена в жизнь²².

Колонизация Литвы усилилась после польско-литовского восстания 1863 года, когда этим делом занялся генерал-губернатор Муравьев, за свои жестокости прозванный в народе «вешателем».

Судя по официальным статистическим данным, опубликованным в разных источниках дореволюционного времени, переселение русских в Литву продолжалось до начала I мировой войны.

В зависимости от исторических и иных условий, можно выделить три основных периода переселения предков русских старожилов в Литву:

- 1) с момента появления на территории этнической Литвы первых русских поселенцев до церковной реформы 1667 года;
- 2) с 1667 года до присоединения Литвы к России в 1795 году;
- 3) с 1795 года до начала I мировой войны.

В начале нашего столетия поселения с русским населением имелись в разных уголках Литвы.

По данным переписи населения, проведенной на 17 сентября 1923 г., на территории Литвы насчитывалось 50460 человек русских, что составляло около 2,5% всего населения буржуазной Литвы²³.

Основная масса русского населения Литвы в то время была занята в сельском хозяйстве. Из 33676 человек, ведущих самостоятельный образ жизни (остальные 16784 человека числились иждивенцами), в сельскохозяйственном производстве было занято 26436 человек, из них хозяевами являлись 6443 человека, трудоспособных членов их семей было 15478 человек, 16 человек являлись служащими и 4499 человек — рабочими в сельском хозяйстве. Остальные работали в промышленности (2535 человек), на предприятиях транспорта и путей сообщения (354 человека), в торговле (271 человек), на государственных и общественных предприятиях (1077 человек) или же имели прочие источники существования (3003 человека).

Грамотность русского населения того времени характеризовалась следующими цифрами: из 50460 человек только 13311 человек умели читать и писать, 2075 человек умели только читать, остальные 35074 человека не умели ни писать, ни читать.

Судя по тому, что русские старожилы Литвы в основном являются или являлись приверженцами старообрядчества, следует считать, что большинство из них — потомки переселенцев, бежавших от преследований в связи с церковной реформой в конце XVII—XVIII вв.

Предполагается, что предки русских старожилов переселялись в Литву прежде всего из соседних областей России. Отдельные жители

²² См. Виленский временник, книга IV, стр. V.

²³ См. Lietuvos gyventojai (1923 m. rugsėjo 17 d. surašymo duomenys), Kaunas.

Каунасского района считают, что их предки проживали в Витебской губернии, некоторые жители Зарасайского района утверждают, что их предки жили в Тверской губернии, и т. д. Старообрядцы, относящиеся к федосеевской секте, могли переселиться в Литву из Псковской или Новгородской областей, т. к. именно «в Псковском краю и Новгородской области рассеивались лжеучители и умножали оное федосианское учение»²⁴.

Сопоставление диалектных особенностей обследованных русских старожильческих говоров Литвы с соответствующими диалектными явлениями материковых говоров русского языка позволяет считать, что данные говоры восходят к псковским говорам.

П. Г. Пшеничников в историческом очерке «Русские в Прибалтийском крае» утверждает, что «главный контингент пришельцев давали губернии: Тверская, Ярославская, Смоленская, Псковская, Витебская»²⁵. Имеются, например, опубликованные данные о том, что в конце XIX в., с 1877 по 1886 гг., из Витебской губернии выписалось в Ковенскую губернию 123 семьи, в Виленскую губернию — 169 семей²⁶.

О том, что предки старожильского русского населения переселились в Литву из соседних областей России, свидетельствуют и некоторые этнографические данные. Например, в статье О. А. Ганцкой «Материальная культура русского населения северо-западных областей России в конце XIX — начале XX в.» утверждается, что тип хозяйственных построек русских старожилов в восточных районах Литвы характерен для Смоленской, Великолукской и Псковской областей²⁷.

В статье «Некоторые материалы по этнографии старожильского русского населения Литовской ССР» О. А. Ганцкая отмечает некоторую общность кулинарии русских старожилов северо-восточной части Литвы с кулинарией Псковской и Новгородской областей, указав, что «народная кулинария русских отличается от литовской специфическими особенностями, многие из которых схожи с особенностями кулинарии Псковской и Новгородской обл. (например, приготовление «шанег» — круглых булок с творогом)»²⁸.

Предполагается, что русские поселенцы Литвы, бежавшие от преследований после церковной реформы, первоначально расселились в пограничных с Россией районах, а затем постепенно проникали в глубь Литвы. Так, например, некоторые жители Йонавского района утверж-

²⁴ Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, издание четвертое, Санктпетербург, 1831, стр. 108.

²⁵ П. Г. Пшеничников, Русские в Прибалтийском крае, издание Рижского национального клуба «Русская беседа», Рига, 1910, стр. 6.

²⁶ См. Витебская губерния, Историко-географический и статистический обзор, выпуск I, Витебск, 1890, стр. 337.

²⁷ См. Краткие сообщения Института этнографии Академии наук Союза ССР, том XXII, Издательство Академии наук СССР, 1955, стр. 52—53.

²⁸ Труды Института этнографии Академии наук Союза ССР, том XXIII, 1954, стр. 88.

дают, что их предки приехали в середине XIX в. от Двинска (Даугавпилса), куда раньше русские бежали из России. О. А. Ганцкая в статье «Некоторые материалы по этнографии старожильского русского населения Литовской ССР» ссылается на высказывания местных жителей северо-восточной части Литвы о том, что «русские старообрядцы поселились в северо-восточной Литве вначале около Ажарен (современного Зарасая) и затем уже расселились отдельными группами по территории б. Ковенской губ.»²⁹

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ С РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В ЛИТОВСКОЙ ССР

В настоящее время, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года³⁰, в городах и селах Литовской ССР проживает свыше 200 тыс. человек русского населения. Огромное большинство из них (98,3% всего русского населения республики) сохранило русский язык в качестве родного языка.

Известное увеличение численности русского населения, по сравнению с данными переписи 1923 года, объясняется следующими причинами: 1) в 1939 году Литве был возвращен Вильнюсский край с городом Вильнюсом, который в 1920 году был оккупирован польскими панами; 2) в начале II мировой войны Литву переселилось немало русских из оккупированной немцами Польши, из Сувалкской губернии; 3) некоторое количество русских переселилось в Литовскую ССР из других союзных республик за годы Советской власти в Литве.

Значительная часть старожильского русского населения, которое представляет известный интерес для изучения русских народных говоров, проживает в сельской местности республики. По данным переписи населения 1959 года, в сельских поселениях Литовской республики насчитывается свыше 53 тыс. человек русских, что составляет 3,73% всего сельского населения республики.

Сельские поселения с русским населением неравномерно дислоцированы по всей территории Литовской ССР.

Из 62 районов республики, имевшихся в середине 1962 года, в двух районах (Зарасайском и Йонавском) русское население сельской местности составляет свыше 10% всего сельского населения. В восьми районах в сельской местности проживает от 5 до 10% русских. С числом русского населения от 3 до 5% насчитывается одиннадцать районов. От 1 до 3% русских проживает в девятнадцати районах. В остальных двадцати двух районах численность русского сельского населения не достигает и 1%³¹.

²⁹ Труды Института этнографии Академии наук Союза ССР, том XXIII, 1954, стр. 78.

³⁰ Статистические данные об итогах переписи населения взяты из рукописных материалов Центрального статистического управления Литовской ССР.

³¹ Распределение районов по количеству русского населения см. по прилагаемой карте.

Некоторая часть русских проживает в отдельных (русских) деревнях, другие же живут в смежных деревнях, вместе с литовцами, поляками, белорусами, немцами и представителями других национальностей.

С точки зрения распространения русских поселений на территории Литовской ССР можно выделить три основные зоны, учитывая при этом не только численность русского населения, но и национальный состав всего населения в целом:

1) юго-восточная, или Вильнюсская, зона, охватывающая территорию, которая с 1920 года по 1939 год находилась в польской оккупации;

2) северо-западная, или Жемайтская, зона, занимающая территорию Жемайтского края;

3) средняя зона, расположенная между юго-восточной и северо-западной зонами, тянущаяся от северо-восточной до юго-западной границы республики. Юго-восточной границей данной зоны можно считать линию, которая отделяла бывший в польской оккупации Вильнюсский край, а северо-западную границу можно условно провести по течению рек Муша, Лявуо, Нявежис и Нямунас (от места впадения Нявежиса до границы с Калининградской областью)³².

Наибольшее количество русских старожилов проживает в средней зоне республики, к которой относятся следующие административные районы: Биржайский, Купишкский, Пандельский, Рокишкский, Зарасайский, Аникщяйский, Утянский, Коварский, Моветский, Укмяргский, Ширвинтский, Йонавский, Каунасский, Кайшядорский, Вевисский, Шакайский, Вилкавишкский, Казлу-Рудский, Капсукский, Пренайский, Езнаский, Алитусский, Калварийский, Лаздийский, часть Пасвальского, Панявежского, Рамигальского и Кедайнского районов.

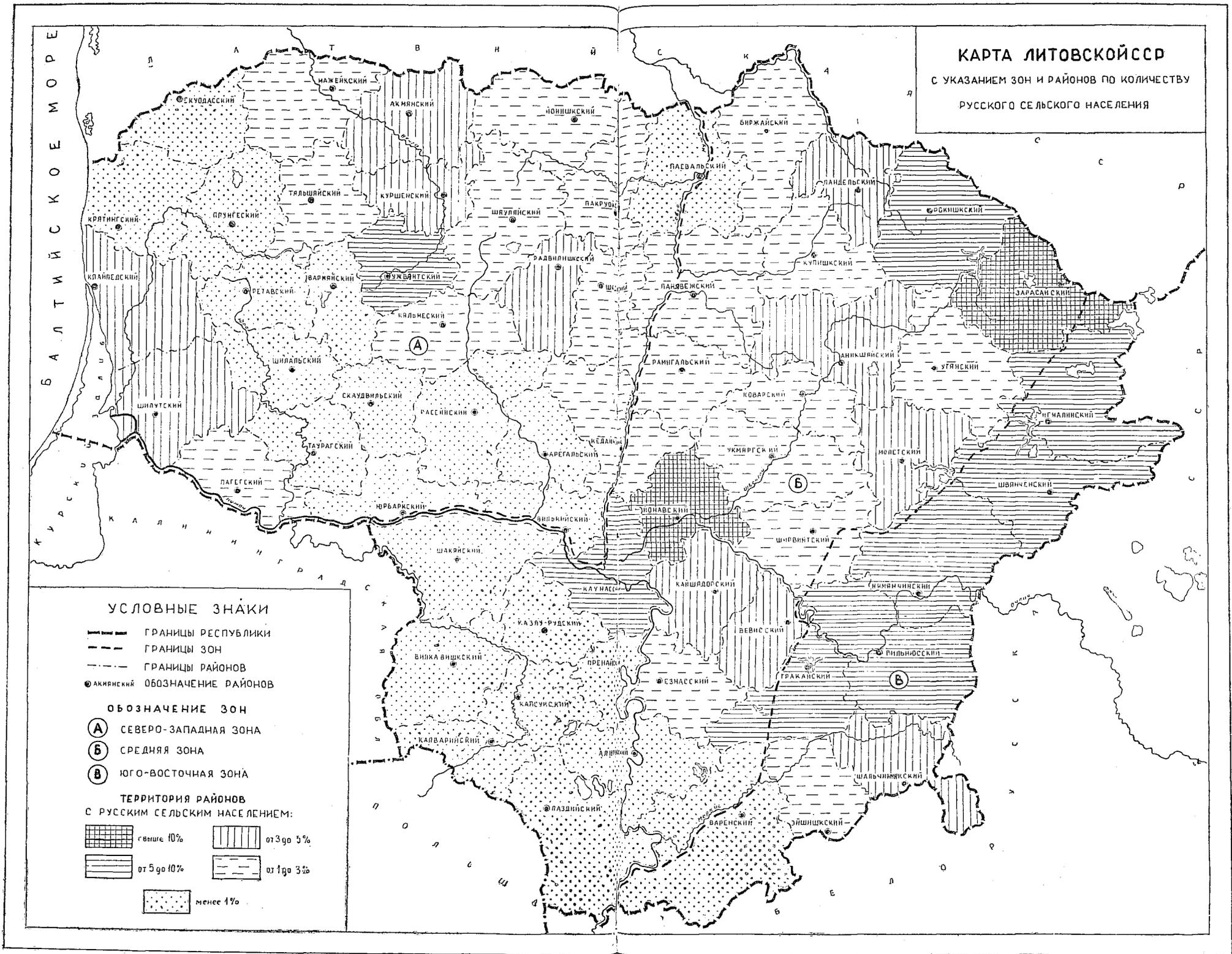
В данной зоне можно выделить два главных пункта, где сосредоточена основная масса русского сельского населения. Это северо-восточная часть зоны, расположенная у границы с Латвийской ССР (Зарасайский, Рокишкский, Пандельский и другие районы), и центральная часть зоны, занимающая центральное положение не только в отношении данной зоны, но и в отношении всей территории республики в целом (Йонавский, Каунасский, Кайшядорский, Вевисский и другие районы).

Больше всего русских поселений с наибольшим числом русского населения сосредоточено в Зарасайском районе. Русское население данного района составляет 19,18% всего сельского населения; оно проживает более чем в 250 населенных пунктах. В Рокишкском районе русские проживают более чем в 50 населенных пунктах и составляют 9,10% всего сельского населения района. Число русских в сельских поселениях Пандельского района составляет 3,25% и т. д.

Из районов центральной части средней зоны республики наибольшее русских проживает в Йонавском районе, где русские проживают более чем в 60 населенных пунктах и составляют 12,00% всего сельского населения. В Каунасском районе насчитывается свыше 30 населенных пунк-

---

³² См. прилагаемую карту.

тов с русским населением, составляющим 7,67% всего сельского населения района. Число русских в сельских поселениях Кайшядорского района составляет 4,35%, Вевисского района — 3,40% и т. д.

Немало русских проживает также в отдельных районах, расположенных между указанными пунктами зоны, например: в Молетском (4,04% всего сельского населения), Аникшыйском (3,77%), Утянском (2,83%), Ширвинтском (2,38%) и др.

В направлении на юг и запад от Каунасского района (Шакаяйский, Казлу-Рудский, Вилкавишкский, Капсукский, Пренайский, Езнасский, Калварийский, Алитусский, Лаздийский районы) число русских в сельской местности весьма незначительно, оно составляет в среднем около 0,5% всего сельского населения данной территории.

В отдельных районах средней зоны, помимо литовцев и русских, проживает немало поляков, например: в Вевисском районе — 22,9% сельского населения, Ширвинтском — 13,3%, Зарасайском — 11,0%, Езнасском — 9,5%, Йонавском — 8,1%, Каунасском — 5,0%, Кедайнском — 3,6%, Алитусском — 3,4%, Молетском — 3,2%, Калварийском — 2,3%, Рамигальском — 2,2% и т. д. Многие литовцы в перечисленных и других районах зоны общаются с местным польским, русским населением и даже между собой на польском языке.

В Зарасайском и в некоторых других районах встречаются поселения с белорусским, украинским населением.

В данной (средней) зоне имеются такие русские деревни, как, например: Савенай (165 чел.), Паливаркас (123 чел.), Рейстянишкяй (116 чел.), Улителе (93 чел.), Яктишкяй (92 чел.), Тумишкяй (73 чел.), Райстиняй (65 чел.), Капустине (54 чел.), Круопяляй (52 чел.) Зарасайского района, Майнейвай (185 чел.), Вабуоляй (126 чел.), Биткунай (117 чел.), Стравай (83 чел.), Слабада (67 чел.), Пупяляй (64 чел.), Алейкишкяй (63 чел.) Рокишкского района, Апаща (166 чел.), Квидаришкис (159 чел.) Пандельского района, Римкай (312 чел.), Паскутишкяй II (214 чел.), Лукшяй (150 чел.), Веселувка (141 чел.), Янделишкяй (114 чел.), Перелозай (112 чел.), Кветкучяй (89 чел.), Гульбинишкяй (88 чел.), Булатай (83 чел.), Жеймяляй (78 чел.), Бяржай (74 чел.), Пасекай (73 чел.), Гирыале (63 чел.), Макштава (62 чел.), Будаи II (58 чел.), Паскутишкяй I (51 чел.), Науятробяй (50 чел.), Балтромишкяй (41 чел.) Йонавского района, Д. Ибенай (182 чел.), М. Ибенай (172 чел.), М. Ихенай (109 чел.), Кекштине (58 чел.) Каунасского района, Аукштагирияй (64 чел.) Утянского района и др.

Вместе с литовцами русские проживают в таких сельских населенных пунктах, как, например: Дягучяй (317 чел.), Кряуенанай (182 чел.), Надунай (135 чел.), Данейкяй (111 чел.), Мильгеджяй (85 чел.), Пожямис (65 чел.), Юоденанай (62 чел.), Калбутишкяй (60 чел.), Рапкаучизна (55 чел.), Берчюнай (54 чел.) Зарасайского района, Дягучяй (122 чел.), Крюгишкяй (73 чел.), Пепаляй (73 чел.), Гайжгале (70 чел.), Шапаляй (53 чел.), Палушняй (52 чел.) Рокишкского района, Лебянишкяй (204 чел.) Биржайского района, Ужусаляй (317 чел.), Думсяй

{131 чел.), Будаи IV—V (128 чел.), Прейшогалеле (108 чел.), Нарауникишкяй (103 чел.), Шмотай (67 чел.), Галиевка (67 чел.), Ишорай (65 чел.), Шастрака II (64 чел.), Шастрака I (49 чел.) Йонавского района, Мурава II (466 чел.), Рамучяй (305 чел.), Шилялис (136 чел.), Гяраноняй (96 чел.), Сяргейчикай II (85 чел.), Пелайняй (80 чел.), Салляй (55 чел.) Каунасского района, Науйоняй (134 чел.), Лепагирияй (109 чел.), Яниджяй (91 чел.), Керкузай (54 чел.) Аникшяйского района, Гирыале (125 чел.) Коварского района, Мажейкишкяй (57 чел.), Утянского района, Сукиняй (157 чел.) Укмяргского района, Нарбутишкяй (51 чел.) Кедайнского района и др.

В некоторых деревнях, помимо русских и литовцев, проживает немало поляков. Можно назвать такие русско-литовско-польские деревни, как, например: Рустяйкяй (134 чел.), Кимбартишкяй (99 чел.), Стачюнай (76 чел.), Саманай (48 чел.), Букишкяй (38 чел.), Маготишкяй (37 чел.) Зарасайского района, Мурава I (491 чел.), Драсейкяй (153 чел.) Каунасского района, Карчяй (100 чел.) Йонавского района и др.

В деревне Диктунай Зарасайского района, кроме русских, проживают семьи литовцев, поляков и украинцев (всего 31 чел.).

В процентном выражении наибольшее количество русских проживает в юго-восточной, или Вильнюсской, зоне. Территория данной зоны совпадает в основном с территорией следующих восьми административных районов: Игналинского, Швянчёнского, Нямянчинского, Вильнюсского, Тракайского, Шальчининкского, Эйшишкского и Варенского. Русское население по этим районам в целом составляет 5,2% всего сельского населения. В некоторых районах данной части республики преобладает население польской национальности. Кроме литовцев, поляков и русских, в указанной зоне проживает немало белорусов (свыше 2% всего сельского населения).

Из перечисленных восьми районов Вильнюсской зоны наибольший процент русских (8,17% всего сельского населения) проживает в Вильнюсском районе, расположенном в центральной части зоны. В данном районе насчитывается свыше сорока населенных пунктов с преобладающим русским населением. Много русских проживает также в других районах данной зоны, расположенных северовосточнее от Вильнюсского района: Нямянчинском (7,27%), Швянчёнском (7,50%), Игналинском (7,10%). По направлению к юго-западу от Вильнюса процент русского населения заметно снижается: в Тракайском районе русские составляют 5,91% сельского населения, в Шальчининкском районе — 4,05%, в Эйшишкском — 1,04% и в Варенском — 0,67%.

Значительная часть русского сельского населения Вильнюсской зоны проживает в русских деревнях, отдельно от жителей других национальностей. В качестве примеров можно назвать следующие населенные пункты: Н. Вяркяй (438 чел.), Айренай II (258 чел.), Гейшишкяй II (171 чел.), Расказай (109 чел.), Няскучна (104 чел.), Долина (73 чел.), Гудяляй (56 чел.) Вильнюсского района, Жямайтеляй (89 чел.), Маса-лишкяй (65 чел.), Павлово (54 чел.) Нямянчинского района, Юргелиш-

ке (128 чел.), Виташной (120 чел.), Протупенной (65 чел.), Даукшишкяй (64 чел.) Швянчёнского района, Грикишке (98 чел.), Апшуте (80 чел.), Вядяриной (64 чел.), Ферма (59 чел.), Рамутишкяй (59 чел.), Чесуленой (58 чел.), Лукашовка (50 чел.) Игналинского района, Ягелишкяй (45 чел.), Гаюс (32 чел.), Новосёлкай (29 чел.) Тракайского района, Гаюс (271 чел.) Шальчининкского района.

Много русских в разных районах указанной зоны проживает в деревнях вместе с литовцами, поляками, белорусами. Из литовско-русских населенных пунктов можно указать следующие: Цирклишке (239 чел.), Милкунай (109 чел.), Янонай (84 чел.), Вайшкунай (78 чел.), Минялишкяй (55 чел.), Жукай (39 чел.) Швянчёнского района, Затроче (128 чел.) Тракайского района и др.

Наиболее крупными польско-русскими населенными пунктами являются: Юодишкяй (1307 чел.), Бяндоряй (119 чел.), Кинелевка (89 чел.), Крапнишкяй (63 чел.), Ванагине (58 чел.) Вильнюсского района, Ановилис (174 чел.), Веришкяй (119 чел.), Буркила (69 чел.), Арлишкяй (66 чел.) Нямянчинского района, Бачкининкай (140 чел.), Миляй (125 чел.), Жусинай (80 чел.), Давьятишке (73 чел.), Клишонай (70 чел.) Швянчёнского района, Аляксандрувка (120 чел.) Тракайского района.

Среди деревень со смешанным литовско-польско-русским населением можно назвать следующие: Арвидай (124 чел.), Акмяна (76 чел.), Ужтильчяй (75 чел.), Спрейнай (66 чел.), Гудейкяй (55 чел.) Нямянчинского района, Юодишкяй (104 чел.), Голодаевка (94 чел.), Руджённай (85 чел.) Швянчёнского района.

В дер. Гатерня Вильнюсского района русские проживают вместе с белорусами (всего 33 чел.).

В дер. Пакумша Швянчёнского района проживают семьи русских, белорусов и поляков (всего 10 чел.).

Немало русских проживает также в отдельных районах северо-западной, или Жемайтской, зоны, охватывающей территорию следующих административных районов: Скуодасского, Мажейкского, Акмянского, Йонишкского, Крятингского, Плунгеского, Тяльшяйского, Куршенского, Шяуляйского, Пакруойского, Клайпедского, Ретавского, Варняйского, Ужвянтского, Кяльмеского, Радвилишкского, Шядувского, Шилутского, Шилальского, Скаудвильского, Расейнского, Арёгальского, Пагегского, Таурагского, Юрбаркского, Вилькийского, части Кедайнского, Пасвальского, Панявежского и Рамигальского районов.

Здесь русское сельское население сосредоточено, главным образом, в таких районах, как: Ужвянтский (9,10% всего сельского населения), Радвилишкский (4,54%), Шилутский (4,34%), Куршенский (4,24%), Клайпедский (3,45%), Акмянский (3,23%), Шяуляйский (2,93%), Шядувский (2,85%), Пагегский (2,45%), Йонишкский (2,39%), Тяльшяйский (2,12%), Кедайнский (1,88%), Пакруойский (1,49%), Мажейкский (1,41%), Кяльмеский (1,40%). В остальных районах данной зоны (Скуодасском, Крятингском, Плунгеском, Таурагском, Ретавском, Варняйском, Шилальском и др.) русское население не достигает и одного процента.

Помимо литовцев и русских, в Жемайтской зоне проживает некоторое количество поляков (около 0,5%), причем поселения с польским населением сосредоточены, главным образом, в районах, расположенных по соседству со средней зоной. Так, в Шядувском районе польское население составляет 1,9%, Арёгальском — 1,0%, Вилькийском — 2,0%, Кедайнском — 3,6%.

В Шилутском, Пагегском, Клайпедском и некоторых других районах имеется немало поселений, где живут люди немецкой национальности.

В Клайпедском, Варенском районах встречаются поселения с белорусским населением.

Из более крупных русских деревень данной зоны можно отметить следующие: Гилайчяй (161 чел.) Шяуляйского района, Ферма (102 чел.) Акмянского района, Дварчяй (44 чел.) Радвилишкского района и некоторые другие.

Основная масса русских Жемайтской зоны проживает в деревнях совместно с литовцами. К числу более крупных русско-литовских деревень можно отнести следующие: Римкай (251 чел.), Жарджяй (214 чел.), Шликай (134 чел.), Пурмаляй (95 чел.), Слянгяй (95 чел.), Будялкемйяй (49 чел.) Клайпедского района, Сидорай (148 чел.), Пабяржяй (106 чел.) Радвилишкского района, Пагриняй (229 чел.) Шилутского района, Варгенишке (92 чел.) Кяльмеского района, Парейгяй (69 чел.) Расейнского района и др.

В деревнях Барздунай (173 чел.), Шишай (75 чел.), Алкай (62 чел.) Шилутского района и др., кроме русских и литовцев, проживают немцы.

В деревне Даугаляй (69 чел.) Клайпедского района проживают русские и белорусы.

Многие сельские поселения Литовской ССР известны как русские деревни уже сто лет тому назад и раньше. В статье П. И. Корецкого «О раскольниках в Ковенской губернии» приводятся названия таких русских деревень, сохранившихся до настоящего времени, как, например: Рымки (современное официальное название Римкай), Паскутишки (Паскутишкяй), Гульбинишки (Гульбинишкяй), Новая деревня (Науясодис — дословный перевод на литовский язык), Кунгушилы (Кунгушилай), Манкуны (Манкунай), Кунигишки (Кунигишкяй) и др. бывшего Ковенского уезда, Пущи (Гиряле — перевод на литовский язык), Лелюны (Лелюнай), Гайлюны (Гайлюнай), Сукиня (Сукиняй), Дырваны (Дирвонай) и др. бывшего Вилкомирского уезда и многие другие³³.

Такие населенные пункты, как Рымки бывш. Ковенского уезда (Римкай Йонавского района), Пущи бывш. Вилкомирского уезда (Гиряле Коварского района), Дегуцы бывш. Новоалександровского уезда (Дягучяй Рокишкского района) существовали как русские деревни уже в XVIII столетии³⁴.

³³ См. Памятную книгу Ковенской губернии на 1863 год, отдел II.

³⁴ См. выше, Исторический очерк поселения русских в Литве.

Основную часть русского сельского населения Литовской ССР составляют семьи колхозников. По сведениям Центрального статистического управления республики в конце 1959 года колхозниками являлись 14276 человек русских, имеющих занятия. 203 человека работало в колхозах в качестве рабочих. 3169 человек являлись рабочими совхозов. Остальные были заняты в промышленности, в строительстве, в лесном хозяйстве, на транспорте, в учреждениях связи и т. д.

Основная масса детей русского сельского населения обучается в литовских школах, вместе с детьми литовской национальности. Некоторая часть детей обучается в школах с русским языком преподавания, открытых в годы Советской власти.

Среди русского населения республики почти нет безграмотных. Если среди стариков еще встречается некоторое количество безграмотных или малограмотных, то представители среднего и младшего поколения, как правило, владеют и русским, и литовским языками.

НЕКОТОРЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ

В последнее время ведется интенсивная работа по изучению народных говоров русского старожильческого населения Литовской ССР. К настоящему времени в основном изучены говоры русских старожилых таких районов, как Йонавский³⁵, Зарасайский, собраны некоторые материалы по говорам отдельных деревень Укмяргского, Каунасского, Биржайского, Рамигальского, Купишкского, Рокишкского и некоторых других районов, которые относятся к средней зоне республики.

Для данной статьи использованы наблюдения автора над говорами русских старожилых дер. дер. Римкай, Паскутишкяй, Пасекай, Сточкай, Гульбинишкяй и др. Йонавского района, дер. Сукиняй Укмяргского района и дер. Д. Ибенай Каунасского района, расположенных в центральной части средней зоны.

Русские старожильческие говоры обследованных деревень Йонавского, Укмяргского и Каунасского районов характеризуются значительным единством. Большинство отмеченных в данных говорах фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей ха-

---

³⁵ Диалектные особенности говора русских старожилых Йонавского района описаны автором в кандидатской диссертации «Говор русских старожилых Йонавского района Литовской ССР», Вильнюс, 1960, а также в статьях: Фонетические и морфологические особенности говора русского населения Йонавского района Литовской ССР, в кн.: Ученые записки Вильнюсского госуниверситета, XXVI, Языкознание, I, Вильнюс, 1958, стр. 147—173; Наблюдения над синтаксисом говора русского населения Йонавского района Литовской ССР, в кн.: Ученые записки Вильнюсского госуниверситета, XXX, Языкознание, II, Вильнюс, 1960, стр. 59—83; Словарный состав говора русского населения Йонавского района Литовской ССР, в кн.: Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, Языкознание, III, Вильнюс, 1961, стр. 147—175.

рактрно для всех обследованных населенных пунктов этих трех районов и отражено в опубликованных работах. В данной статье обратим внимание на следующие моменты:

1) связь описываемых говоров с материковыми говорами русского языка;

2) сходство диалектных особенностей данных говоров с соответствующими явлениями смежных языков — белорусского, польского, литовского;

3) влияние на говоры со стороны современного русского литературного языка.

1.

Изучение говоров русских старожилов центральной части средней зоны Литовской ССР, сопоставление диалектных особенностей этих говоров с соответствующими явлениями материковых говоров русского языка показывает, что значительная часть специфических для данных говоров явлений характерна также для тех или иных материковых говоров русского языка, прежде всего русских говоров, переходных от средневеликорусских к белорусскому языку, т. е. говоров псковской группы³⁶.

В русских говорах, расположенных на территории Псковской области, встречаются следующие диалектные особенности, характерные для говоров русских старожилов обследованных деревень Йонавского, Каунасского и Укмяргского районов Литовской ССР:

а) из области фонетики³⁷

сильное яканье, характерное также для многих южновеликорусских говоров (рязанских, тамбовских, воронежских), напр.: *n'aták, c'astrá, pr'amóy, pr'amáya, pr'ambyy, pr'am'zy, n'aslá, n'asú, n'as'ú, n'as'óm*;

³⁶ Общность диалектных особенностей описываемых говоров с соответствующими явлениями псковских и других материковых говоров русского языка определяется на основании следующих работ: Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, Учпедгиз, 1949; П. С. Кузнецов, Русская диалектология, Учпедгиз, 1951; А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, изд. АН СССР, 1953; К. А. Иеропольский, Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа, ИОРЯС, том III, кн. 2, Ленинград, 1930; С. А. Копорский, Архаические говоры Осташковского района Калининской области, в кн.: Ученые записки Калининского гос. пединститута, том X, вып. 3, 1945; А. И. Сахаров, Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии, ОРЯС, том LXVIII, № 5, Санктпетербург, 1900; Л. И. Царева, Говоры юго-западной части Псковской области (Фонетика и морфология), Ленинград, 1954 (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук); В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, Москва, 1955; Опыт областного великорусского словаря, Санктпетербург, 1852; Дополнение к Опыт областного великорусского словаря, Санктпетербург, 1858; В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914; Картотека словаря псковских говоров (хранится в кабинете русского языка Псковского пединститута) и др.

³⁷ Примеры, иллюстрирующие фонетические особенности говоров, приводятся в упрощенной фонетической транскрипции.

произношение в отдельных словах ударяемого гласного *о(о)* в соответствии с литературным *а(а)* ударяемым, напр.: *плóц'ит* (платит), *кóц'ицца* (катится), *запр'ók* (запряг), *натр'óc* (натряе), *п'ьр'атр'óc* (перетряс);

наличие в ряде слов «второго полногласия», что характерно также для калининских, новгородских, архангельских, вологодских, костромских, горьковских, тамбовских, смоленских и других русских говоров, напр.: *сталóп* (столб), *ч'алóнък* (ткацкий челнок), *мълан'йá* (молния), *кóръм* (корм), *жóлъци'* (желчь), *нъв'арбх* (наверх);

сохранение беглых гласных в некоторых формах имен существительных, характерное также для новгородских, смоленских и других говоров русского языка, напр.: *вóшы*, *вашэй*, *рóва*, *л'бну*;

произношение согласного *в (ф)* на месте безударного начального гласного *у*, характерное также для смоленских, калужских, орловских и других говоров, напр.: *вб'иц'* (убить), *вв'идз'иц'* (увидеть), *вдár'иц'* (ударить), *взнац'* (узнать), *вм'эц'* (уметь), *фц'ар'áц'* (утерять, потерять, затерять), *фц'ирáл'ник* (утиральник, полотенце), *фток* (уток);

твердое произношение губных согласных *п, ф, м* в конце слова, характерное также для калининских, новгородских, вологодских, смоленских и других говоров, напр.: *гóлуп* (голубь), *насып* (насыпь), *цэп* (цепь), *кроф* (кровь), *л'убóф* (любовь), *астáф* (оставь), *пр'игатóф* (приготовь), *с'эм* (семь), *вóс'ьм* (восемь);

мягкое произношение согласных *н, р* в положении перед суффиксом *-ск-*, напр.: *кóн'с'кий*, *пáн'с'кий*, *жэ́н'с'кий*, *дз'ьр'ав'эн'с'кий*, *йáпóн'с'кий*, *г'армáн'с'кий*, *цáр'с'кий*;

дзеканье и цеканье, характерные также для калининских, рязанских, части московских и других говоров, напр.: *дз'эн'*, *дз'эн'г'и*, *идз'и'*, *хадз'и'*, *н'адз'эл'а*, *дз'ар'эвн'а*, *дз'в'эр'и*, *дз'в'анáциц'иц'*, *судз'бá*, *свáдз'ба*, *в'эдз'ма*; *ц'и́ха*, *рабóт'иц'*, *с'ц'и́рац'*, *ц'ал'эга*, *ац'эц*, *м'арц'в'эц*, *ц'в'óрдый*;

произношение протетических звуков *а, и* (в положении перед сочетанием согласных звуков) и звука *в* (в положении перед гласными *о, у*), характерное также для смоленских, курских, орловских, воронежских и других говоров, напр.: *ахл'эф*, *ахл'ьвушóк*, *аржан'иш'ч'а*, *аржанóй*, *ал'н'анóй*, *ирвáц'*, *иржáц'*; *вóз'ьра*, *вóс'ьн'*, *вóч'ьн'*, *вóстрый*, *вúтка*, *вúл'ица*, *вúмный*, *вúский*, *вушáт*, *вуч'и́цца*, *вуч'óный*;

распространение форм имен прилагательных с ударением на окончании (в соответствии с литературными формами с ударением на основе), характерное также для архангельских, новгородских, костромских, Кировских, пермских, смоленских, орловских и других говоров, напр.: *гр'азнóй*, *талстóй*, *крупнóй*, *ц'ашкóй*, *дз'икóй*, *страшнóй*, *ч'арствóй*;

б) из области морфологии

совпадение форм дательного и предложного падежей единственного числа существительных I склонения с формой родительного падежа, характерное также для многих северновеликорусских и южновеликорус-

ских говоров, напр.: нет *травы́*, ходил по *травы́*, лежал в *травы́*; нет *рекí*, пошёл к *рекí*, купался в *рекí*;

широкое распространение форм именительного падежа множественного числа существительных II склонения на *-ы*, *-и*, имеющее место также в смоленских и некоторых других русских говорах, напр.: *домы́*, *рукавы́*, *глазы́*, *бо́ки*, *учи́тели*, *о́кны*, *ве́дры*, *колёсы*, *болóты*, *лекáрствы*;

распространение форм родительного падежа множественного числа существительных II склонения на *-ов*, напр.: *сапого́в*, *волосóв*, *местóв*, *делóв*, *лекáрствов*;

совпадение форм творительного падежа с формами дательного падежа множественного числа всех склоняемых частей речи, характерное также для основной массы северновеликорусских говоров, напр.: брать *рукáм*, ходить за *грибáм*, с *хорóшим друзьáм*, с *пятíм рубл́ям*, *сво́йм глазáм* видел;

совпадение форм предложного падежа с формами творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода у всех частей речи, склоняемых по местоименному склонению, напр.: в *больш́им* лесу, на *крут́ым* берегу, пошла в *сво́йм нóвым* платьи, жил в *одн́ым* городе, в двадцать *сeдьм́ым* году;

наличие форм сравнительной степени прилагательных и наречий на *-оше*, *-оше*, напр.: В рубахи один рукав *долóже*, другой короче. Ён был немножко *толóше* тебя. Я люблю чай *посладóше*. Ён вчера спал *долóже*. В ей всегда *нацгладóше* получается;

сохранение древнерусских форм дательного и предложного падежей личного местоимения *ты* и возвратного *себя*, имеющее место также в смоленских говорах, напр.: К *тобé* гости пришли. Каждый о *собé* думает;

употребление личных местоимений III лица *ён*, *енá*, *енó*, *ены́*, которые характерны также для смоленских, орловских и других русских говоров;

наличие формы винительного падежа единственного числа личного местоимения III лица женского рода *енú*;

произношение с йотацией указательных местоимений *этот*, *эта*, *это*, *эты*;

наличие указательных местоимений *тáя*, *то́е*, *ты́е*, употребительных также в смоленских говорах;

употребление вопросительно-относительного местоимения *кто*, характерного также для смоленских говоров;

наличие формы множественного числа определительного местоимения *вси*, которая употребляется также в смоленских и подмосковных говорах;

отсутствие эпентетического *н* перед формами косвенных падежей личных местоимений, характерное также для смоленских говоров, напр.: От *его* никак не избавишься. Вышла за *его* замуж. Погляди на *ену*. С *ей* нигде не пропадешь. К *им* пришли гости;

распространение неопределённых форм глагола на *-ть* (в соответствии с литературными формами на *-ти*), характерное также для смо-

ленских и многих южновеликорусских говоров, напр.: *пасть, плельь, везть, несть, принёсть*;

отпадение звука *т* в III лице единственного числа глаголов в настоящем (будущем простом) времени, характерное также для многих южновеликорусских и северновеликорусских говоров, напр.: *идё, несё, побьё, помрё, па́хня, дёлая, зная, сядя, доста́ня, дёржа, по́мня, сходя́, спрб́ся*;

наличие форм повелительного наклонения глаголов типа *поло́жь, поло́жьте*;

употребление адъективированных причастий с суффиксами *-ач-* (*-яч-*), *-уч-* (*-юч-*), напр.: *лежа́чая* колода, *боду́чая* корова, *болу́чий* палец;

наличие деепричастий на *-дши, -тши*, свойственных также новгородским и некоторым другим говорам, напр.: *ушо́тцы* (ср.: ушедши), *пришо́дцы* (ср.: пришедши), *приёхатиши*;

употребление деепричастий на *-миши*, напр.: *взёмиши, снёмиши, поднёмиши, обнёмиши*;

в) из области синтаксиса

распространение местоименных форм прилагательных в роли именной части составного сказуемого, напр.: *Ён вчера был больно́й*;

употребление в роли сказуемого кратких причастий страдательного залога в среднем роде при подлежащем не среднего рода, имеющее место также в северновеликорусских говорах, напр.: *Устроено* такой козелок. Там город *расстроено*;

употребление деепричастий на *-ши, -вши, -миши, -дши, -тши* в роли сказуемого, имеющее место также в калининских, архангельских, вологодских, ленинградских, рязанских говорах, напр.: *Мы уже привыкли* ко всему. В его пюговка *оторавши*. *Ён* мою сестру *взёмиши* (замуж). *Мы* были *поехатиши* в гости;

употребление наречий *надо, нужно* в роли сказуемого при существительном в именительном падеже, характерное также для некоторых северновеликорусских говоров (архангельских, вологодских), напр.: *Мне надо* новый костюм. Им деньги не *надо*. Ему сапоги *нужно*;

наличие целого ряда диалектных служебных слов (предлогов, союзов, частиц), напр.: *за* (из-за), *коло* (около), *али* (но), *ай* (или), *покуль* (пока), *как, нечим* (чем), *аж, ажно* (даже), *во* (вот), *почки* (почти), *пуцай* (пусть), *никак* (неужели), *не* (нет);

г) из области лексики

Подавляющее большинство диалектных слов, записанных в описываемых говорах, употребляется в разных материковых говорах русского языка. Лексика описываемых говоров в наибольшей степени соответствует лексике псковских говоров, в которых употребляется значительная

часть (более половины) диалектных слов данных говоров, причем свыше полуторы сотни таких слов, судя по доступным нам словарным источникам, известно только псковским говорам, например: *посб́м* (фронтон), *обли́нок* (косяк в окне), *токовня́* (площадка для молотьбы посреди гумна), *ходба́к* (лапоть), *пб́длина* (подкладка в одежде), *топлёнка* (суп из ячменной крупы), *простокы́ша* (простокваша), *глыж* (засохший ком земли), *янёнок* (ягненок), *осы́пка* (мука из смеси разного зерна, идущая на корм скоту), *пува́к* (паук), *сикля́ха* (муравей), *подгрёб* (груздь), *опоя́хать* (опоясать), *ша́рнуть* (швырнуть), *остепені́ться* (остановиться) и др.

Многие из диалектных особенностей, общих для говоров русских старожилков указанных районов Литовской ССР и псковских говоров русского языка, известны и другим русским говорам, однако данные говоры в наибольшей степени соответствуют говорам Псковской области. В описываемых говорах не обнаружено ни одной более яркой фонетической или морфологической особенности, не известной тем или иным русским говорам Псковской области. Не менее убедительным является также сходство между описываемыми и псковскими говорами в области лексики³⁸.

Данные выводы служат несомненным подтверждением высказанного в первой части статьи мнения о том, что предки русских старожилков указанных районов переселились в Литву из соседних областей России, главным образом, из Псковской губернии.

2.

За время изолированного существования описываемые говоры испытали известное влияние смежных языков — белорусского, польского, литовского. Заметное иноязычное влияние на данные говоры сказалось в отношении словарного состава, в котором содержится большое количество белорусских, польских и литовских заимствований³⁹.

Так, например, из белорусского языка могли быть заимствованы такие слова, как: *крёква* (стропило), *гирса́* (житняк), *трипу́тник* (подорожник), *папа́р* (пахотное поле, пар), *авто́рок* (вторник), *отліга* (оттепель), *склы́чить* (скомкать), *бры́кнуть* (мокнуть, напиться влагой), *скороба́титься* (скоробиться), *рассмéлиться* (расхрабриться, отважиться, решиться), *зды́рдиться* (умереть, скончаться), *штоде́нный* (ежедневный), *спросо́нку* (спросонок, спросонья) и др.

³⁸ О синтаксических особенностях псковских говоров мы не располагаем достаточными данными для сопоставления.

³⁹ Происхождение иноязычных элементов в говорах определяется на основании следующих словарей: И. И. Носович, Словарь белорусского языка, Санктпетербург, 1870; Польско-русский словарь, составленный под редакцией Н. И. Грекова и М. Ф. Розвадовской, ГИС, Москва, 1949; Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego, t. I—VIII, Warszawa, 1900—1935; Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954; Lietuvių kalbos žodynas, t. III—V, Vilnius, 1956—1959.

К польским заимствованиям можно отнести такие слова, как, например: *шафэчка* (шкафчик для посуды), *фиранка* (занавеска), *имбрик* (фаянсовый чайник), *тэбэль* (плотничье сверло), *порэнка* (перила), *кántар* (узда), *матэйка* (тимофеевка), *обдарту́з* (оборванец), *згра́бный* (красивый), *лэ́нты* (тихий, скромный, несмелый), *мо́ндры* (слишком хитрый, остроумный), *сма́глы* (сильный), *бутвэ́ть* (гнить, портиться от ветхости), *пуцо́ваць* (чистить), *церовáць* (штопать), *венди́ць* (коптить) и мн. др.

Литовскими заимствованиями являются такие слова, как, например: *клумпи* (обувь с деревянной подошвой), *на́гини* (кожаные лапти), *шла́и* (пароконные сани для возки дров и бревен), *шла́йки* (легкие сани для выезда), *да́лба* (рычаг, лом), *жалю́ка* (сорт картофеля), *ке́тметр* (плотный кубометр), *ги́рник* (лесничий), *би́тник* (лицо, занимающееся пчеловодством), *сяню́нас* (староста), *вальди́ба* (правление, управление), *дабо́кля* (арестантская), *кра́та* (обыск), *плянт* (шоссейная дорога), *склип* (земельный участок) и т. д.

Иноязычные слова в говорах часто получают фонетическое и морфологическое оформление русского языка. Например, многие имена существительные, заимствованные из литовского языка, утрачивают окончания, не характерные для существительных русского языка (*ке́тметр*, *ги́рник*, *би́тник*, *плянт*, *склип*), хотя в отдельных случаях такие окончания сохраняются (*сяню́нас*). В словах, заимствованных из польского языка, в говоре часто не соблюдается постоянное место ударения (на предпоследнем слоге), характерное для польского языка (*обдарту́з*, *бутвэ́ть*, *пуцо́ваць*, *церовáць*, *венди́ць*) и т. п.

Некоторое сходство между описываемыми говорами и смежными языками наблюдается также в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Например, белорусскому и польскому языкам свойственно цеканье и дзеканье, произношение *н* мягкого в положении перед суффиксом *-ск-*; в белорусском языке употребляются многие падежные формы личных, указательных и других местоимений, характерные для описываемых говоров; польскому языку свойственно употребление предлога *за* в сравнительных оборотах и некоторые другие особенности описываемых говоров. Многие синтаксические конструкции данных говоров имеют внешнее сходство с соответствующими оборотами современного литовского литературного языка, напр.: употребление в роли сказуемого деепричастных форм (в соответствии с литовскими причастиями прошедшего времени, имеющими то же значение); употребление инфинитива глагола *видать* в роли простого сказуемого при подлежащем, выраженном формой именительного падежа имени существительного (Уже река видать); употребление несогласованного определения в препозиции (Брата жена заболела); употребление предлога *через* (per) при обозначении определенного времени, в течение которого совершается действие (Через час два письма написала); употребление предлога *для* (dél) с родительным падежом в значении причинного предлога «из-за» (Для тебя я и в школу опоздала) и т. д. Подобные явления, помимо белорусского, польского

и литовского языков, свойственны также тем или иным материковым говорам русского языка или же были характерны для древнерусского языка, поэтому вряд ли можно считать их непосредственными заимствованиями из данных языков.

3.

В послевоенное время русские старожильческие говоры обследованных пунктов республики испытывают сильное влияние со стороны литературного русского языка. Особенно большое влияние литературный язык оказывает на морфологическую структуру говоров и на их словарный состав. Например, в говоры постепенно проникают литературные формы предложного падежа единственного числа существительных I склонения *на стене, на земле* (ср. диалектные формы *на стены, на земли*), формы творительного падежа множественного числа: *брать руками, идти за грибами* (ср. диалектные формы: *брать рукам, идти за грибам*); формы личных местоимений *ён, ена́* все чаще вытесняются литературными формами *он, она*; наряду с диалектными формами III лица единственного числа настоящего (будущего простого) времени глаголов типа *несё, возьмё, видя* очень часто употребляются литературные формы *несёт, возьмёт, видит* и т. д.

Наряду с диалектными словами в говорах все чаще употребляются литературные слова, образуя, таким образом, синонимические пары, напр.: *рушник — полотенце, вапна — известь, векиша — белка, шпак — скворец, пожня — луг, баркан — морковка, журавина — клюква, ганок — крыльцо, цегла — кирпич, коваль — кузнец* и многие другие.

В результате влияния литературного языка многие диалектные слова в говорах уже выходят из употребления. Так, например, слова *гной, назём* (навоз), *газ, газа* (керосин), *серянка* (спичка), *цибуля* (лук), *бээ* (сирень) и другие в говорах хотя и известны, но большинством населения уже не употребляются.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1962 m. rugsėjo mėn.

LIETUVOS RUSAI-SENBUVIAI IR JŲ ŠNEKTOS

V. NEMČENKA

Re z i u m ė

Lietuvos TSR teritorijoje nuo senų laikų gyvena tam tikras skaičius rusų, kurių protėviai dėl įvairių priežasčių atsikėlė į Lietuvą iš kaimyninių Rusijos sričių įvairiais laikais. Atsižvelgiant į rusų persikėlimo į Lietuvą aplinkybes, galima išskirti tris pagrindinius šio proceso laikotarpius: 1) nuo seniausių laikų iki 1667 metų bažnytinės pravoslavų reformos;

2) nuo 1667 metų iki Lietuvos prijungimo prie Rusijos 1795 metais; 3) nuo 1795 metų iki I pasaulinio karo pradžios. Daugiausia rusų atsikėlė į Lietuvą po 1667 metų bažnytinės reformos, bėgdami nuo bažnyčios ir valdžios organų persekiojimų.

Šiuo metu rusai-senbuviai gyvena įvairiuose Lietuvos TSR rajonuose; vienur jų užtinkama daugiau, kitur mažiau. Pagal kaimo vietovėse gyvenančių rusų skaičių respublikos teritorija skirstoma į tris zonas: 1) šiaurės-vakarų zona (Žemaitija); 2) pietryčių zona (buvęs lenkų okupuotas Vilniaus kraštas); 3) vidurio zona (teritorija tarp šiaurės-vakarų ir pietryčių zonų). Daugiausia rusų (kaimo gyventojų) gyvena vidurio zonoje (Zarasų, Rokiškio, Jonavos, Kauno, Kaišiadorių ir kt. rajonai). Skaičiuojant nuošimčiais nuo bendro kaimo vietovės gyventojų skaičiaus, daugiausia rusų yra pietryčių zonoje (Vilniaus, Švenčionių, Nemenčinės, Ignalinos, Trakų ir kt. rajonai). Rusų gyvenvietės rečiau užtinkamos šiaurės-vakarų zonoje (Užvenčio, Radviliškio, Šilutės ir kt. rajonai).

Pastaruoju metu intensyviai nagrinėjamos Lietuvos rusų-senbuvų šnektos. Palyginus atskirų rajonų (Jonavos, Kauno, Ukmergės) rusų šnektas su Rusijos teritorijoje gyvenančių rusų tarmėmis bei šnektomis, paaiškėjo, kad šios šnektos artimiausios Pskovo srities tarmėms. Tai leidžia manyti, kad minėtuose rajonuose gyvenančių rusų protėviai į Lietuvą atsikėlė daugiausia iš Pskovo srities.

Lietuvos rusų senbuvų šnektose randama nemaža lietuvių, lenkų, baltarusių kalbų elementų. Šių kalbų įtaka minėtoms šnektoms pasireiškė daugiausia leksikos srityje.

Tarybų valdžios metais Lietuvos rusų šnektoms didelę įtaką daro literatūrinė rusų kalba. Jai veikiant, šnektose pastebimai nyksta atskiros dialektinės ypatybės, ypač leksikos ir morfologijos srityje.
